

С Имантом Коциньшем мы познакомились более двух лет назад, вскоре после его назначения художественным руководителем Государственного симфонического оркестра Узбекской ССР. И у него, и у музыкантов настроение было приподнятое: коллектив выбрал и отстоял «своего» руководителя, дирижер обрел «свой» оркестр. А уже вскоре появился и «свой» слушатель, привлеченный на концерты новизной репертуара, какой-то особой атмосферой праздничности.

Наша нынешняя встреча с Имантом Коциньшем состоялась накануне открытия пятьдесят третьего сезона симфонической музыки в Ташкенте.

Первый вопрос сорокалетнему маэстро, выпускнику Рижской консерватории по классам скрипки и симфонического дирижирования, стажеру Большого театра Союза СССР:

— Что привело вас, латыша, в Узбекистан?

— Острое желание иметь «свой» оркестр. Я немало концертировал и сейчас гастролирую по стране. Но исполнять произведение с чужим оркестром, с одной репетиции — это совсем не то. Когда работаешь с коллективом постоянно, возникает восхитительное чувство партнерства, каждый музыкант все больше раскрывается как личность, индивидуальность. Я, кстати, постоянно призываю музыкантов делать творческие заявки.

— И делают?

— Конечно. Вот вы захватили часть репетиции, когда мы работали над «Вариациями на тему рококо» Чайковского. Солист — концертмейстер Александр Плотников. В нынешнем сезоне это произведение прозвучит в концерте. Есть и другие творческие заявки, хотя их могло бы быть намного больше.

— Почему же их мало? Невысок профессиональный уровень музыкантов? Другие причины? Знаете, мне вспомнилось, как несколько лет назад, когда Мстислав Ростропович стал руководить симфоническим оркестром в Нью-Йорке, он сказал, что в Советском Союзе, кроме двух-трех коллективов Москвы и Ленинграда, симфонических оркестров нет.

— Оценка Ростроповича — горькая правда. И надо иметь мужество это признать. Другое дело, что вины музыкантов тут, уверен, нет.

Причина — бедственное, попросту нищенское положение оркестрантов. Для того, чтобы творить настоящую музыку, артист не должен работать нигде, кроме оркестра, заниматься индивидуально и на репетициях. Я абсолютно уверен, полгода интенсивной работы и возможность доукомплектовать оркестр позволят нам успешно выступать на престижных зарубежных площадках.

— Доукомплектовать? А что, оркестр не в полном составе? И вы хотели бы кого-то пригласить из других регионов?

— Нет. Я имею в виду только музыкантов, живущих в Узбекистане. Сейчас при классическом составе большого симфонического оркестра в девяносто человек у нас в штате чуть больше семидесяти.

— Я из зала музыкантов не считал. Но судя по полноценности звучания, оркестранты компенсируют неукомплектованность состава маэстром. Может быть, они поощряются, как это делается сейчас практически во всех трудовых коллективах, за счет экономии фонда заработной платы?

— Если бы это было так, а то ведь голый энтузиазм, а на нем, как показывает история, далеко не уедешь.

— Во всем мире симфонические оркестры поддерживаются и государственными дотациями, и благотворительностью...

— Это так. А вот мы мечтаем о том, чтобы выделя-

Встреча с интересным человеком

Имант Коциньш: «Музыка поможет выстоять»

емой Министерством культуры дотацией (для нормальной работы недостаточной) можно было хотя бы распоряжаться самостоятельно, тратить деньги на то, что считаем действительно необходимым, — на квалифицированную рекламу, например, поощрение талантливых и преданных делу музыкантов. Пока же и оркестр, и я экономически бесправны. Получается замкнутый круг. Нам говорят: у вас пустые залы, вот если бы народ валом повалил на симфонические концерты, то вам бы, мол, помогли. Но ведь если выступления оркестра начнут собирать полные залы, то он и без поддержки «сверху», пожалуй, сможет обойтись. Нам бы сейчас выжить...

Здесь, пожалуй, на самом драматическом моменте нашей беседы, я прерываю ее изложением, чтобы немного рассказать о концерте, открывшем сезон. С грустью замечу, что людей на сцене и в зале «Бахор» было примерно поровну.

А звучала Музыка, поэма «Азия» Тулкуна Курбанова, созданная в 1965 году, но впервые исполненная только сейчас. Почему? Не знаю. Но слушая это неожиданное по тембровым сочетаниям произведение, я не почувствовал в нем бодряческого оптимизма, служившего еще недавно пропуском на подиум — скорее трагичности. И подумал: может, в этом причина четвертьвековой приговоренности его к «полке»?

И концерт Дмитрия Шостаковича для виолончели с оркестром, с блестящим исполнением по-мальчишески задиристым Кириллом Родиным —

лауреатом VIII Международного конкурса имени Чайковского. Характер музыки, ее интонации — резкие, «издевательские» — и темперамент исполнителя усиливали друг друга. И, кажется, понятно, почему в далеком Буэнос-Айресе Кирилл Родин играл этот концерт пять вечеров подряд при полных двухтысячных залах.

И симфония Петра Ильича Чайковского «Манфред», противоречиво оцениваемая самим автором, которая потрясла необыкновенной картинностью, изобразительностью, силой, вздымающей к высотам философских размышлений о духе и душе. Видимо, она и вызвала поворот в нашей беседе, продолженной после концерта.

— Как вы относитесь к музыке вообще, как оцениваете ее значение сегодня?

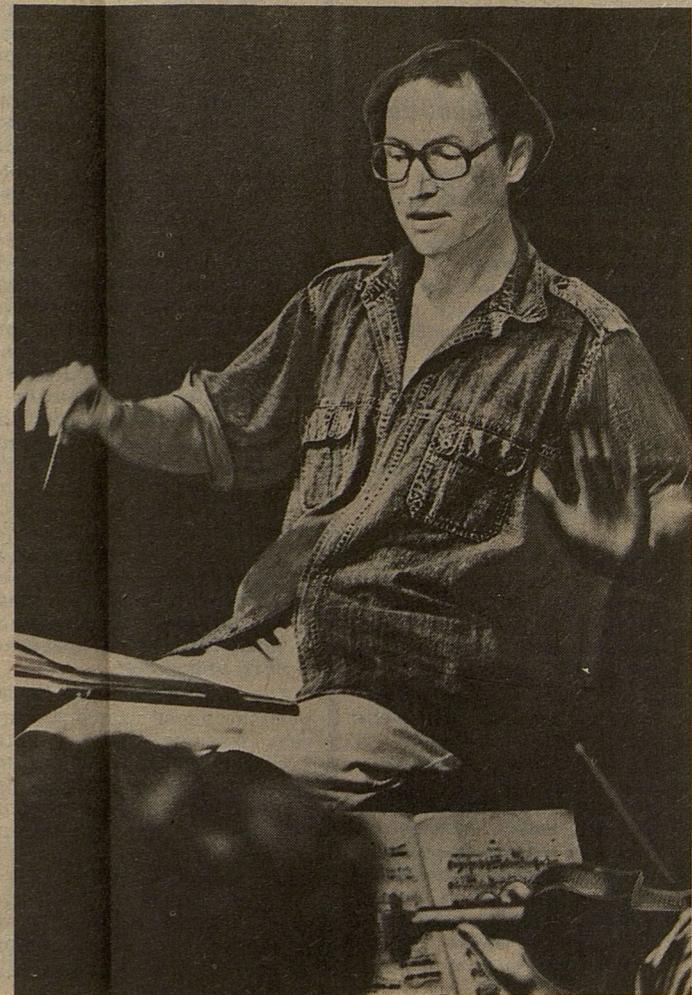
— Вряд ли какой другой вид искусства можно сравнить с музыкой по глубине и силе воздействия на человека, на его душу. По-настоящему сопоставимы лишь две сферы жизни — музыка и религия. Ради проникновения в высшие сферы человеческого духа разучиваются, доводятся до блеска чрезвычайно сложные произведения. Именно музыка поможет человеку выстоять в наше тревожное время, возродит духовность и преодолеть невежество.

— Имант Янович, начался ваш третий сезон в Ташкенте. За это время оркестр исполнил целый ряд произведений узбекских композиторов. Каково ваше отношение к ним и бытующему мнению, что симфоническая музыка чужда узбекским музыкальным традициям, является порождением искус-

ственной музыкальной европеизации?

— Извините, но вот это и есть пример невежества. Европейское симфоническое письмо — всего лишь азбука композитора. Дальше все зависит от таланта. Личность, индивидуум может и пропустить через себя, трансформировать народное искусство, как, скажем, Григ, Чайковский, а может, и не делать этого, сохраняя самобытность и мелоса, и ритма.

Из произведений композиторов Узбекистана мы стремимся отобрать для исполнения все наиболее своеобразное, оригинальное по стилю, звучанию. Летом, до открытия сезона, мы записали на пластинку симфонию «Мунг» Бахрулло Лутфуллаева, 4-ю «Свадебную» симфонию Тулкуна Курбанова, симфонию и два цикла песен Хабибуллы Рахимова. Совместно с Союзом композиторов Узбекистана и фирмой «Мелодия» начинаем готовить серию пластинок «Антология узбекской симфонической музыки». Предполагается выпустить десять дисков с лучшими произведениями старейшин узбекского симфонизма. В планах — подготовка Антологии детского симфонического концерта. С участием таких выдающихся скрипачей, как М. Безверхний, Н. Латинский, думаем записать пять-шесть пластинок детского скрипичного репертуара — от концерта Ридинга до современ-

ных сочинений. В концертах нынешнего сезона наряду с произведениями Баха, Моцарта, Бетховена, Равеля, Стравинского, Рихарда Штрауса, Верди, Щедрина прозвучат и сочинения композиторов Узбекистана Сабира Бабаева, Дани Закирова, Анвара Эргашева, Георгия Мушеля и других.

— Вы не упоминаете композиторов имен, высветившихся на всесоюзном небосклоне только сейчас, в период гласности — Шнитке, Артемьева, Денисова...

— Я знаком с Эдиссоном Денисовым, исполнял на концерте в Алма-Ате его произведения, готов пригласить его в Ташкент, но сомневаюсь — нужно ли? Вызовут ли в Ташкенте хоть какой-то слушательский интерес поиски Денисова в слиянии новых жанров, в его «архитектурно-музыкальном» строительстве?

Трудные вопросы задал маэстро Имант Коциньш. Риторические. Кому — себе, мне? Потенциальным слушателям, которых мечтает увидеть на концертах?

Ю. ПОДПОРЕНКО.
НА СНИМКЕ: момент репетиции.
Фото Л. ГУСЕИНОВА.